Розин Марк Борисович

Рогнединская партизанская бригада

Я родился 19 февраля 1909 года, коренной москвич.

В школе в одном классе со мной учились Яков Джугашвили (Сталин), Ростислав Плят. Как и все ребята, они играли на пустырях в футбол. Тогда я не представлял, что эта замечательная игра станет смыслом всей жизни. В большой футбол стал играть, когда работал фрезеровщиком на заводе. Позднее стал комсомольским активистом и приложил много усилий для создания клуба «Крылья Советов».

В 1937 году меня пригласили на работу в Спорткомитет СССР. Одно время был даже помощником Председателя Василия Васильевича Снегова.

В 1941 году меня направили в Чебоксары в войсковое училище.

Грянула война и меня, «досрочника» Чебоксарского политучилища, направляют в город Тулу, где формируется стрелковая дивизия Тульского Пролетариата (в дальнейшем 330-я стрелковая дивизия 10-й армии Западного фронта). В дивизию по зову сердца в основном шли добровольцы: и молодые, и старые.

Кремлёвский курсант – партизанский комдив

Трудно было в наших условиях сформировать дивизионную разведку. Здесь требовался особый отбор. Создать такое боевое подразделение нам все же удалось. С крепкими молодыми ребятами в разведку пришли ветераны финской воины. Не скрою, что в числе отдела 3-й стрелковой дивизии разведчиков оказались и те, кого я взял из Тульской тюрьмы. Это были истинные патриоты, которыми впоследствии гордилась дивизия.

Формировалась разведка 330-я СД на окраине Тулы в лагере – Осоавиахим. Воины были в полном порядке, но пока без комсостава. Ожидали взводных. Помнится, как на рассвете в расположение лагеря прибыли три молодых лейтенанта. Представились просто: «Иван Корбут, Владимир Климов, Михаил Горбунов - выпускники Кремлёвского училища». Они сразу понравились мне. От этих ребят веяло смелостью, стремлением честно служить Родине. «Мы рады, что направили нас в разведку», - заявил старший из них Иван Корбут. «Кремлевские курсанты не подведут», - добавил Миша Горбунов.

К сожалению, этот чудесный офицер погиб в первом бою в Московском наступлении. С Корбутом и Климовым мы вместе прошли боевой путь в дивизии и в партизанском соединении Лейтенанты оказались хорошо подготовленными командирами, а самое главное, нашли подход к сердцам солдат.

Вскоре Иван Корбут, хорошо проявивший себя в боях, был назначен командиром разведроты. В мае 1942 года он с офицерами Галюга, Корчма и Зиненковым направляется в тыл врага, где по приказу военного командования формировалась партизанская дивизия. Несколько позже в Брянский лес прибыл и Владимир Климов, так мы вновь объединились.

Иван Корбут был участником многих операций, проводимых нами в тылу врага, в том числе и такой, как вывод на «Большую землю» кавалерийского корпуса генерала Белова, за что он был награжден вторым орденом Красного Знамени. В конце 1942 года Корбут был назначен командиром Рогнединской партизанской бригады. Могу ответственно сказать, что авторитет Ивана Корбута - комбрига Рогнединской

– был очень значителен. В 1943 году он был направлен на учебу в Разведакадемию Генштаба, окончив которую, уже после войны получил назначение командиром десантной дивизии.

К сожалению, жизнь Ивана Корбута оказалась трагичной. Из-за грубого нарушения дисциплины, во время службы в г. Пскове был снят с должности и направлен в г. Черновцы заместителем командира десантной дивизии. Последняя наша встреча произошла в Черновцах в 1948 году. Иван был уволен из рядов Советской Армии.

Наша встреча была очень грустной. Он тягостно переносил случившееся, вспоминал дорогие его сердцу партизанские будни. Мне было искренне жаль этого прекрасного, талантливого и еще совсем молодого человека. Он мог еще сделать так много хорошего. Умер Иван на пляже от солнечного удара в 1957 году. Значительно позже, узнав об этом, я долго не мог себе простить, что при встрече не сумел убедить его перестроиться, найти силы преодолеть себя, выйти из кризиса, куда он попал по слабости, а может и от славы.

Тяжело завершать свой рассказ о друге на такой трагической ноте, но что поделаешь - так это было. Хочу, чтобы Брянщина не забыла командира Рогнединской партизанской бригады. Иван Корбут много сделал для освобождения Брянской области от немецко-фашистских захватчиков.

Федя-сибиряк

Он появился в деревне Малые Желтоухи зимой 1942 года, где находилась спецразведгруппа 330-й СД под моим командованием. Предо мной предстал молодой подтянутый солдат. Представился: «Федя-сибиряк», верней, архангельский помор. Служил срочную. Попал под Смоленском в окружение, скрывался в деревнях. Собирался в партизанский отряд Акимочкина, но побоялся. В Бутчине узнал о вашей группе. «Знаю, - сказал он, - что вам запрещено брать окруженцев, есть приказ задерживать их, но, поверьте, я вам помогу. Я знаю местность, знаю людей, обучен военному делу». Мне нужны были люди, особенно такие, как Федор Старцев. Не побоялся, взял его в свою спецгруппу и не ошибся. Он показал себя с самой лучшей стороны как разведчик, как диверсант и как

смелый воин. Треть 3-й партизанской дивизии составляли бывшие окруженцы.

Общительный молодой человек быстро сошелся с добровольцами - тульскими шахтерами. Веселый баянист и затейник, он был первым и в боевом деле. В апреле нас окружили немцы, с боями вырываемся в лес, что у деревни Бутчино. Федор во главе группы, отвлекающей наш прорыв. Ее бросок в направлении Кирова отвлек немцев, обеспечил успешный выход из окружения подразделения дивизионных разведчиков.

После этого я счел возможным доверить Старцеву направиться в г. Киров и получить приказ штаба о наших дальнейших действиях. Задача такого перехода, в то время, оказалась очень сложной. Противник сумел заблокировать все пути-дороги, закрыть так называемый «коридор». Обходя немецкие гарнизоны, Старцев успешно добрался до штаба 330-й стрелковой партизанской дивизии, находящейся в городе Киров. Получив его указания, вернулся в Бутчино. Вместе с ним пришел большой отряд Московской ОМСБОН под командованием капитана Шемякина, который направлялся для выполнения спецзадач в Клетню.

Вместе с разведчиками пришли и назначенные Западным фронтом на различные должности еще не существовавшей 3-й партизанской дивизии, офицеры 10-й армии: А. Галюга, И. Корбут, М. Зиненков, И. Корчма. Здесь, от Бутчина, началась жизнь одного из крупнейших партизанских соединений Великой Отечественной войны. Смелый и решительный Федор был взят в штаб партизанской дивизии как личный порученец командира дивизии. Он активно действовал в операции по выводу корпуса Белова и десантных подразделений на Большую землю. Был впереди и в Рогнединской операции.

Не менее ответственная задача на него была возложена по охране радиосвязи и, что самое главное, - в период боевых операций. Не случайно, так называемый «окруженец», в 1942 году был награжден орденом боевого Красного Знамени. В 1943 году, после освобождения Брянщины, пути наши разошлись. И вот Москва, 1948 год. Звонок в квартиру, где я живу. Открываю дверь. Это он, молодой красивый капитан. Федя-сибиряк! Докладывает: «Успешно отслужил. Теперь выпускник военной академии».

«Да у тебя же даже среднего образования не было?» - спрашиваю его. «Да, - отвечает, - школу сдал экстерном, и на «хорошо» - экзамен в академию. Жду назначения. Семья в Ерцево Архангельской области. Там и буду работать.»

Служба заместителем начальника УИНа оказалась очень трудной, в чем я убедился, побывав у Федора в гостях. Глухие места, побеги... Ну, а затем вскоре мы увиделись снова. В Москве, в праздник Дня Победы, баян Федора звучал в компании наших разведчиков в сквере у Большого театра. Потом Федор заболел, уволился из армии, работал в школе военруком; перенес большое семейное горе - похоронил двоих детей и... не выдержал. Звонок из Москвы, из больницы Бакулева, застал меня врасплох - Старцев тяжело болен, операцию перенес, но жить ему осталось недолго. Друзья навещали, прощались с ним в больнице. Последние слова Федора были: «Помогите семье похоронить меня на родине». Мы сумели эту просьбу выполнить. Он скончался в Коряжме на руках своих родных.

Председатель

«Председатель» - так по доброму запросто называли мы Филиппа Васильевича Аксенова, командира Косеватского отряда, а в партизанской дивизии - командира второго, одного из головных батальонов.

Ко всему, имя «председатель» пристало к нему не случайно. До войны Аксенов возглавлял передовой в области колхоз на Смоленщине, а когда пришел враг, партия оставляет его в числе других активистов для организации партизанской борьбы. Заранее в лесу было зарыто все, что необходимо для проведения боевых операций. В отряде находилась семья Аксенова и все родственники от мала до велика. Они достойно защищали Родину, наравне с другими бойцами участвовали в проведении сложнейших операций.

Большую роль в отряде играл офицер Красной Армии Василий Иванов. Враг уже вскоре почувствовал силу и смелость партизан. Их операции были хорошо продуманы и организованы. Так что в состав нашего партизанского соединения влилась крепкая боевая единица. Зимой 1942 года Аксенов отправил через «огненный коридор» (Малые

Желтоухи) в город Киров продовольственные обозы для Красной Армии.

Мне, как «бургомистру» Малых Желтоух, довелось принять участие в этой операции, выделив сопровождение. Так я впервые познакомился с аксеновцами. А с Филиппом Васильевичем встретился в Желтоухах. когда тот шел в Киров на совещание командиров и комиссаров партизанских отрядов, действовавших на Брянщине и Смоленщине. Совещание это организовал штаб 10-й армии. Близко познакомились, когда решался вопрос о вхождении отрядов в третью стрелковую партизанскую дивизию. Аксенов первым поднял руку «за». «Такая сила покажет себя», - сказал он и осудил тех, кто отказался идти в дивизию. «Вы еще пожалеете», - сказал Аксенов и был прав. Батальон Аксенова участвовал во всех боевых операциях дивизии: станция Жалынец, Рогнедино и другие. Особо надо отметить роль Аксенова в выводе на «Большую Землю» кавкорпуса Белова и десантников. Проводниками были партизаны 2-го батальона во главе с Василием Тимошенко. Как известно, переход был проведен успешно, и многие партизаны получили государственные награды, в том числе и сам Аксенов.

Аксенов сумел внедрить своих людей в органы местного самоуправления, созданные немцами на оккупированной территории. Это были старосты и даже полицаи. Через этих людей мы получали ценные данные для военного командования.

Интересен в связи с этим один эпизод. Аксенов узнал, что староста одного из населенных пунктов издевается над населением, из кожи вон лезет, чтобы услужить немцам. Вскоре в немецкой комендатуре оказалось письмо «этого старосты», где он сообщает партизанам важные сведения. Немцы быстро разобрались со своим подручным.

Для нас, военных, Аксенов всегда был авторитетом. Не имея военной подготовки, он находил правильные решения, и его советы принимались при планировании и подготовке операций. «Председатель» был человеком народной мудрости, знал народ, жизнь, умел найти выход из трудного положения.

После освобождения оккупированной территории Аксенов получил ответственное назначение и до последних дней жизни работал в Калуге. Не раз встречались мы в Москве у А.С.

Должикова. Филипп Васильевич всегда являлся с подарками для каждого. Его появление вносило радость. Вспоминали об однополчанах, «лесных днях и дорогах». О чем впоследствии Аксенов написал в своих книгах «Огненный коридор».

Партизанский комиссар

Человека часто определяет его профессия. Так было и в годы войны, когда не раз приходилось решать, с кем можно идти в разведку. Одной из ярких личностей являлся Михаил Петрович Зиненков - первый комиссар 3-й партизанской дивизии. С первых дней работы в тылу врага на нас легла большая забота по объединению отрядов, руководство которых не хотело терять самостоятельности. Вот здесь и проявился характер человека «от точных наук»... Меня удивляло, как доказательно умел убеждать Михаил Петрович. Мы обошли много отрядов, в большинстве своем те впоследствии влились в дивизию. Стали ее батальонами. В этих походах я и понял, откуда у Михаила Петровича такая логичность мышления.

Родился он в Самаре в 1906 году. Получил высшее педагогическое образование, преподавал физику и математику в старших классах средней школы, был ее директором. Незадолго до начала Великой Отечественной войны его призвали в армию. В 1942 году Зиненкова направили в Политотдел 10-й Армии. По его инициативе с 1942 года в г. Кирове неоднократно собирались командиры и комиссары партизанских отрядов, действовавших в прифронтовой зоне. Уже тогда вынашивалась идея создания крупного партизанского соединения, а когда оно было создано, до начала боевых операций мы с Зиненковым продумали план нашей работы.

Здесь я еще раз убедился, что такое владеть азами точной науки. Все, что предлагал Михаил Петрович, было выверенным, точным и убедительным. Во-первых, это работа с населением. Свои люди, агитаторы имелись во всех деревнях; своя типография: выпуск листовок, других материалов, рассказывающих о положении на фронтах, вселяющих веру в нашу победу. Четкие направления и указания от него получали комиссары батальонов. При всех трудностях мы имели полную информацию о жизни подразделений и их делах. По

инициативе Михаила Петровича в Центр, наряду с разведданными, передавались политдонесения. Во всех батальонах были созданы партийные и комсомольские организации. В то время это было важнейшим звеном и фактором в боевой и политической работе.

Михаил Петрович часто принимал участие в ответственных боевых операциях. В освобожденных населенных пунктах создавались органы Советской власти.

Вместе с Галюгой они талантливо разработали и обеспечили успешный прорыв дивизии из окружения из Раменной дачи. За эту операцию в 1942 году Михаил Петрович вместе с А. Галюгой были награждены орденами Ленина.

К сожалению, в дальнейшем не вес гладко складывалось Зиненкова во взаимоотношениях с Галюгой. Это были два разных человека, можно сказать - лед и пламень. В конце концов, командование нашло правильное решение. Галюга получил назначение в Клетню, а Зиненков - на должность комиссара полка действующей армии.

Неожиданная встреча с Михаилом Петровичем произошла осенью 1943 года в лесах Белоруссии. Он после ранения вернулся в строй, выводил на передовую свои подразделения, я тем же путем ехал с машинами своего артполка. Обнялись! Вспомнили Брянские леса и нашу бригаду.

Уже после войны мы встретились в Москве. Зиненков служил в Политуправлении Советской Армии, где руководил отделом Суворовских училищ. Знаю, что здесь проявился его педагогический талант. Дружили мы семьями до самой смерти Михаила Петровича в 1974 году. Михаил Петрович был незаурядным человеком. Он был настоящим патриотом, доблестным сыном своей Родины.

Красный директор – Красный партизан

Впервые с Александром Сергеевичем Должиковым я встретился весной 1942 года на Брянщине в деревне Марьевка, Рогнединского района. Вместе с М. Зиненковым, по поручению штаба третьей стрелковой партизанской дивизии, мы ездили по деревням и весям, где располагались партизанские отряды и группы. Наша задача заключалась в том, чтобы убедить командиров отрядов в необходимости объединиться в составе,

создаваемого военным командованием, партизанского соединения.

К Должикову, «красному директору», мы приехали по совету Аксенова. Марьенская группа партизан, которой командовал Александр Сергеевич Должиков, входила в Косеватский отряд.

Встретил Александр Сергеевич нас с большой радостью и даже зажарил на обед зайца. О вступлении в дивизию и вопроса не было. С таким решением он был полностью согласен. Должиков рассказал нам о себе. Родился он 22 марта 1903 года в селе Рогнедино. Отец - плотник. Мать - батрачка. Жили бедно. С 15 лет самостоятельно работал, а дальше - путь от конторщика до директора крупного завода в Бежице и два высших образования.

В первые дни войны Должиков эвакуировал завод на Урал, а сам по зову сердца пошел добровольцем в Красную Армию. В тяжелых боях под Смоленском попал в окружение, собрал воинов и организовал на родине партизанскую группу. Когда сформировалась дивизия, по моей просьбе Александр Сергеевич был откомандирован для работы в политотдел. Здесь до 1943 года нам пришлось работать с ним бок о бок. Главной его задачей была связь с населением оккупированных районов и деревень. Он также ведал нашей типографией, где печатались листовки и обращения. Под его контролем (и только одного его) находились подпольные агитаторы. Кроме листовок, им тайно доставлялись и газеты, получаемые нами с Большой земли.

Член компартии с 1937 года, Должиков руководил парткомиссией, где решались вопросы партийных окруженцев, а также осуществлялся прием в партию.

В 1942-1943 годах в семи батальонах нашей партизанской дивизии были созданы первичные партийные и комсомольские организации. Немало активных воинов и партизан вступило в ту пору в партию. В дивизии все: от командиров до женщин-партизанок участвовали в боевых операциях. Смелым и отважным воином показал себя и А.С. Должиков. Особенно в знаменательной эпопее по выводу из окружения кавкорпуса Белова. За эту операцию он был награжден орденом Красного Знамени, затем - орденом Отечественной войны и медалью партизану Отечественной войны.

В дивизии Александр Сергеевич пользовался большим уважением. Умел разобраться в каждом человеке. Его жизненный опыт и образование помогали в этом.

Как-то в кругу друзей мы затеяли разговор, кому какую характеристику дать. По Должикову это сделал я, так как больше других с ним общался. Вот что я тогда сказал: «Саша - крепкий мужичок, спокойный, выдержанный, осмысливающий каждый свой поступок и каждое сказанное слово. А самое главное, он понимает людей». Честь, достоинство и преданность Родине всегда у Должикова были на первом месте. Характер Александра Сергеевича, видимо, от земли Рогнединской, где я встречал немало таких же патриотов.

Весной 1943 года наши пути разошлись. Снова я встретил Сашу в Москве, где он занимал до конца войны ответственную должность в военкомате Свердловского района.

Он трижды избирался депутатом Совета, в то время Центрального района г. Москвы. Дружба наша продолжалась до последних дней его жизни. В его добрейшей семье всегда жил кто-то или гостил из партизанского края. В нашей среде разведчиков он был прекрасным товарищем. Сегодня я поддерживаю связь с его детьми. Память о нем всегда в моем сердце.

Первый из числа семи

Так, не умаляя достоинства остальных подразделений третьей партизанской дивизии, в обиходе в штабе называли первый батальон, которым командовал Иван Крылов. При создании партизанского соединения был определен статус входящих в него подразделений - это батальоны, по существу самостоятельные партизанские отряды, успешно действовавшие в тылу врага и добровольно вошедшие в дивизию: рогнединцы (Солдатенков), жуковцы (Гомонов, Мальцев, Демин), дубровцы, аксеновцы, бутчинцы (Акимочкин), рославльцы (Боровичев), группа Кабанова и другие. Первый же батальон состоял из воинов 330-й стрелковой дивизии Тульского пролетариата 10-й армии.

Это те ребята, что вместе со мной переходили из Кирова линию фронта и почти четыре месяца обеспечивали так называемый «огненный коридор» в районе М. Желтоух.

Первый батальон был стержнем партизанской дивизии. Располагался он всегда там, где находился ее штаб, отвечая так же за охрану аэродромов, штата роты связи. В первом батальоне находились специальные разведывательные группы 10-й армии. В батальоне, в основном, были туляки. У многих за спиной финская война.

Другая группа - молодые ребята из Кирова, которые влились в разведку 330-й СД после освобождения Кирова. Командиром батальона, как я уже сказал, был Иван Крылов - шахтер, смелый и отважный разведчик. Вместе с ним делила тяготы походной жизни его жена и боевая подруга Фаина, вынесшая с поля боя и выходившая немало воинов.

Комиссар батальона - Василий Зиненко, старшина разведки. Воины - разведчики: Мурзин, Киндеров, Титкин, Клочков, Бровкин, Коровенкин и другие шахтеры-туляки. Гордостью бригады были кировчане Матвей Сосков, Петр Капристов, Евгений Блохин, Нил Ключев, закрывший своим телом амбразуру дзота, когда мы прорывались из окружения в Раменной даче. В этой операции первый батальон первым был брошен в прорыв и обеспечил выход других групп.

Вместе с партизанскими отрядами воины первого батальона также в числе передовых групп активно участвовали в операциях по разгрому немецких гарнизонов станции Желынец, в деревне Бацкино, селе Рогнедино и других местах.

Первый батальон первым встретил войска советской армии, освобождавшие Брянщину. Его бойцы вошли в состав армейских частей и в дальнейшем воевали на фронтах Великой Отечественной войны.

Иван Крылов после освобождения Брянщины был оставлен здесь для работы по восстановлению разрушенного войной хозяйства. Затем переехал в Гомельскую область на родину жены.

Василий Зиненко освобождал Кенигсберг, какое-то время был заместителем коменданта города, жил и работал после войны. Там он и похоронен.

Разведгруппа «Андрей»

В мае 1942 года командование 3-й партизанской дивизии получило шифровку из центра: принять под свое начало

разведгруппу «Андрей» и помогать ей в выполнении спецзаданий вышестоящего армейского командования. Встреча с группой состоялась ночью в штабе дивизии.

Первым представился лейтенант Андрей Сизов, дальше был Юра - радист, за ним милые девушки. Сами о себе сказали: «Шура из Немерич», «Вера из Ивота», «Ира из Брянской области». Фамилии их мы узнали позже - Шура Ивлева, Вера Жаркеева и Ира Кричунович.

Эти восемнадцатилетние комсомолки были оставлены в своих районах с первых дней оккупации и выполняли задания по разведке. Ира, по легенде «внучка графини», была внедрена в Брянский немецкий офицерский клуб. Ее разведданные оказались очень важными для командования. Весной 1942 года Иру предали. Ей удалось скрыться в Бежицком партизанском отряде.

Андрей и радист, перейдя линию фронта, связались с девушками - подпольщицами. До прихода в дивизию они выполнили ряд заданий. Наш штаб сделал все возможное, чтобы «Андрей», снабжал разведотдел 10-й армии подробной информацией. Большую разведывательную работу группа «Андрей» провела при прорыве на «Большую Землю» кавалерийского корпуса Белова и десантников, и во время битвы на Курской дуге.

Нас удивляла смелость этих юных разведчиц, их преданность Родине. В любых условиях они не теряли самообладания, были веселыми и жизнерадостными. Последний раз они переходили линию фронта в районе Раменной дачи, где наша дивизия прорывалась из окружения. В Раменной даче увидели страшное зрелище - трупы местных жителей, расстрелянных немцами. Этот переход группы закончился печально. Она была обнаружена, да еще на руках оказался тяжело раненный радист Юра. С очень большим трудом ей все же удалось уйти от преследовавших по пятам немцев.

Наши фронтовые дороги разошлись. Андрей и девушки продолжали службу. Встретились мы после войны в День Победы и сфотографировались вместе с нашими генералами у могилы неизвестного солдата. Затем встречи были ежегодными и очень радостными.

Сегодня нет уже в живых Андрея, Веры и Шуры. Ира с семьей живет в Юрмале и, как все русские люди в Латвии, находится в трудном положении. Мы поддерживаем с ней связь, помогаем, чем можем.

Трагедия Раменной дачи

Немцы приняли решительные меры по уничтожению беловцев, десантников и партизан. Как явствуют документы, это был приказ Ставки Гитлера.

Для проведения этой операции были брошены большие танковые силы и дивизия «СС». Беловцы были блокированы с 24 мая 1942 года с «земли и воздуха». Они были лишены возможности пополнять запасы продовольствия, боеприпасов, фуража.

В начале июня Белов запросил командование Западным фронтом дать разрешение на выход из тыла на «Большую землю» в район города Кирова. Операция по выводу корпуса была возложена на командование 10-й армии (командующий В.С. Попов). Таким образом, наша третья партизанская дивизия оказалась в центре событий, и на нее были возложены очень сложные задачи по выводу беловцев.

Обстановка сложилась очень напряженная. Дивизия стянула свои силы в деревни близлежащие к большому лесному массиву «Раменная дача». Подбирались из числа партизан, местных жителей проводники для встречи и проводов беловцев в район Кирова. Надо было подготовить продовольствие для того, чтобы кормить солдат, посадочные площадки для санитарной авиации, так как беловцы в боях несли большие потери, было много раненых.

Преследовавшие беловцев немецкие части не жалели и население, которое считалось партизанским. Народ скрывался в лесах. Раменная дача была буквально забита стариками, женщинами и детьми. Мы отвечали за их охрану. Отряды наши с боями отходили в лес. С нами и народ. При всех трудностях мы сумели встретить беловцев, оказать им всяческую помощь, а проводники успешно провели на Киров, где их уже поджидала спецгруппа майора Фомина.

Раненых и штабные документы, самого Белова переправили ночью самолетом У-2 в районе деревни Бацкино.

Ответственность за эту операцию была возложена на меня и Ивана Корчму, она прошла успешно. Когда к утру мы вернулись к Раменной даче, то оказались уже окруженными. Удачно проскочив в лес, мы с Иваном Корчмой пошли туда, где собрались отряды и население. Там же оказались раненый Григорий Мальцев и летчик Сергей Петров, сбитые немцами накануне.

Окружив партизан, немцы начали обстрел леса из орудий и минометов. С воздуха непрерывно бомбили. Вокруг лесных выходов были установлены танки и огневые точки врага. С каждым днем положение становилось все тяжелее. Только лес и удачное расположение отрядов и людей спасали нас. Кончились продукты, нет боеприпасов, рядом беззащитные люди: женщины и дети. Стал вопрос: прорваться или погибнуть.

Некоторые командиры отрядов предлагали прорываться на «Большую землю». Однако был принят другой вариант - прорываться в Брянские леса, ближе к Бытоши. По плану прорыва было решено в нескольких точках завязать бои, а прорывы главными силами обеспечить совершенно в других направлениях. В ночь на 30 июня прорыв был совершен. В два часа ночи партизанские отряды неожиданно обрушились на врага. К утру проскочили безлесную зону и вошли в Косиловский лес.

Мне лично во главе батальона разведчиков пришлось выводить сотни местных жителей. Их мощные «ура» и крики обескуражили врага. Бесстрашный подвиг во время прорыва совершил юноша - разведчик Нил Ключев из Кирова. Он закрыл своим телом вражеский пулемет. Маневр был настолько удачным, что каратели на машинах не успели нас опередить.

Потери у нас были немалые, но основные силы были сохранены. На следующий день дивизия вышла в район лесов Косилово - Ивановка - Бацкино. Немецкая пропаганда сообщила, что уничтожено 22 тысячи партизан, но это была ложь. О том, что произошло в Раменной даче после нашего прорыва, я узнал в 1945 году, в конце войны.

В газете написал статью под названием «Трагедия Раменной дачи». Было это под Веной, я тогда уже служил в артиллерийском полку РВГК в должности заместителя командира полка по политчасти. Наши пушки стояли на окраине города. Из окружения выводили пленных. Ко мне

подбежал комбат Н. Растрыгин и говорит: «Товарищ комиссар - это же не немцы, это - власовцы». Я подошел к колонне пленных и вдруг двое «немцев» пали на колени и, плача, по-русски назвали меня по имени-отчеству. Это были ребята одного из наших отрядов.

Я был поражен, когда услышал их рассказ. Они рассказали страшную историю. Когда мы вырвались из Раменной дачи, там еще осталось немало людей и больше всего крестьян из близлежащих деревень. Они испугались и с нами не пошли, надеясь переждать. У всех были закопаны продукты, как их называли, «ямки». Прошло некоторое время, прекратилась стрельба, и они решили выбираться.

Неожиданно в лесу встретили группу «офицеров-десантников». Те рассказали, что все партизаны погибли, когда выходили из леса, в живых остались только они, разведали дорогу на Киров и завтра пойдут. «Вам, - сказали они - выход один - идти с нами, иначе в деревнях вас уничтожат». Люди им поверили. Договорились назавтра встретиться на одной из просек. Когда пришли к просеке, руководителей пригласили в шалаш и там убили. А остальных расстреляли из пулеметов. Оказывается, это были предатели власовцы. Нескольких молодых ребят, в том числе и тех, что я встретил под Веной, они забрали с собой. Что они делали эти годы, узнать не удалось, пленных увели. Но, что было в Раменной даче, я узнал от них, затем уже трагедия подтвердилась.

Наш кормилец

Так запросто мы называли Казеичева Ивана Афанасьевича - интенданта партизанской дивизии. Должность у него была ответственная, почетная, а вместе с тем и опасная. В августе 1942 года дивизия выросла до 3000 человек. Всех надо кормить, одевать, вооружать, лечить - и это в условиях полного вражеского окружения. А потому было очень важно добиться поддержки населения, чтобы получать от него продовольствие, исключая какие-либо насильственные действия, кроме всего того, что мы получали с «Большой земли» с посадками «уточек» на партизанские аэродромы.

Были времена, когда наши аэродромы бомбили, и тогда летчики сбрасывали нам грузы на парашютах, и нами

создавались поисковые группы для розыска этих парашютов. Отбивать у немцев обозы с продовольствием и скотом, что забирали они у крестьян, тоже был один из путей пропитания партизан. Все это, конечно, с помощью штаба, легло на плечи интендантской службы, возглавляемой Казеичевым. Правда, в каждом батальоне были свои заготовители, но работали они вместе с Казеичевым. На нем также лежала вся аэродромная служба, служба быта и многое другое.

У нас были свои сапожники, портные, женская команда «пищеблок». Организаторские способности, умение ладить с людьми и находить взаимопонимание - именно эти качества Ивана Афанасьевича играли решающую роль в его успешной повседневной деятельности на посту интенданта.

Вспоминаю, как он стал им. После вывода беловцев и десантников, которым мы отдали наши запасы продовольствия, встал вопрос, как жить дальше, имея в виду усиление блокады. На одном из совещаний в штабе было решено создать интендантскую службу. А кто возглавит это важное дело? Тогда Солдатенков предложил Казеичева. Бывший работник райотдела милиции, самая лучшая кандидатура. Он знает народ, ему поверят.

Помню, как ранней весной 1943 года дивизию охватила большая беда - эпидемия тифа. Казеичев сумел найти в деревнях народные средства лечения, обеспечить бани, организовал приготовление лекарств и даже производство самогона, что крайне нужно было для больных и разведчиков. После операций по разгрому немецких обозов он отдавал крестьянам их добро.

Много усилий прилагали Иван Афанасьевич и его люди и при приемке самолетов с «Большой земли»: с продовольствием, оружием и боеприпасами. Батальоны бригады были всем обеспечены. Уходившие в разведку или на подрыв эшелонов всегда также имели все необходимое. Работа интенданта требовала быть в народе и с народом, и Казеичев с сыном не страшились идти в деревни, занятые немцами и полицаями. Как мы знаем, это закончилось трагически.

Не забуду, как после разгрома Рогнединского вражеского гарнизона Казеичев, первым делом, отдал народу награбленное врагом. Затем повел меня, Корбута, Корчму и других к дому фотографа, где мы сфотографировались на память.

Самый-самый секретный...

Лето 1942 года. Партизанская дивизия расположилась на лесной базе севернее Дятьково, залечивая раны после тяжелых боев в Раменной даче. Надо укрепить боевые единицы, привести в порядок вооружение, найти места и оборудовать новые аэродромы, наладить связь с Большой землей. А Центр, которому крайне необходимы разведданные о перемещении войск противника, особенно эшелонов по железной дороге, уже ставит новые ответственные задачи. В этих целях было очень важно создать в населенных пунктах, занятых врагом, широкую сеть агентурной разведки из числа жителей, а также полицаев. Заниматься всем этим должен был человек особого склада, смелый, решительный, умеющий разглядеть «нутро» того или иного человека...

В один из дней штабу был представлен новый для нас человек из числа пополнения, как помнится, из Рославльского отряда Боровичева, Михаил Андреевич Кулик. Нам он сразу понравился. Крепко сбитый, лысоватый мужичок с хитрецой в глазах и юмором, до войны работавший в милиции и по службе связанный с районами Брянщины. Рекомендовавшие Кулика, характеризовали его только с хорошей стороны: знает народ, может найти подход к людям и убедить их; хорошо знает местность, где и как можно найти агентуру. В конце концов, было решено, что он подходит для кандидатуры самого секретного человека.

Назначение Кулика состоялось, причем было определено, что кроме него никто никаких связей с агентурой не должен иметь, а обо всех данных Кулик докладывает лично только начальнику штаба дивизии И. Муралю. В короткий срок Кулик сумел найти нужных людей, вскоре Центру были сообщены весьма важные сведения, за что мы получили благодарность.

Ценность разведданных, их достоверность заключалась еще в том, что все они перепроверялись через нескольких человек и только тогда докладывались в Центр. Кулик организовал доставку селянам оккупированных населенных пунктов писем от их близких из действующей армии, для чего использовалась партизанская авиасвязь. Такая акция способствовала укреплению связи с населением. Контачил с

Куликом и политотдел дивизии. По нашему заданию он создал в селах сеть подпольных агитаторов.

Через них шло распространение агитлистовок, печатавщихся в наших типографиях, газет, что приходили к нам с «Большой земли». Все это поднимало дух народа и уверенность в скором разгроме врага. Кроме того, Кулик был главным комендантом партизанских аэродромов – принимал грузы и отправлял донесения, больных и раненых. Все им делалось четко и разумно. Могу сказать, что Михаил Андреевич Кулик был одной из важных фигур в партизанском соединении.

Последняя наша встреча с Михаилом Андреевичем произошла в необычной обстановке. Это было осенью 1943 года. Артиллерийская бригада РВГК была поставлена на переформирование в населенные пункты Рославльского района. Я уже служил в армии и политуправлением Западного фронта был направлен в эту бригаду.

На окраине Рославля нас задержала милиция и потребовала явиться к коменданту города. Пришлось подчиниться. Каково же было мое изумление, когда в коменданте я узнал М.А. Кулика! В присутствии подчиненных он сделал вид, будто меня не знает и распорядился: «Ну, докладывайте, каких диверсантов вы задержали. Машины пусть идут в бригаду, а капитана я задерживаю...» Когда все ушли, мы обнялись.

Целую ночь я провел в семье Кулика, вспоминали пережитое, обо всем переговорили. Михаил Андреевич рассказал мне такие секреты, о которых я, второй человек в штабе партизанского соединения, не мог даже догадываться. «Что-ж тут удивляться, - сказал он, - я ведь у вас был самый, самый секретный!»

Наутро он отвез меня в Политотдел артиллерийской бригады. Извинился перед моим начальством за мое задержание и рассказал много интересного о наших делах в Рогнединской партизанской бригаде. К сожалению, дальнейшие наши пути с этим человеком разошлись. Узнал лишь, что он до своей кончины работал в Смоленске. Семья его живет в Рославле.

Жуковский самородок

Не боюсь так назвать этого человека - героя подполья и партизанского движения на Брянщине в период Великой Отечественной войны. Разговор пойдет о Григории Васильевиче Мальцеве, комиссаре Жуковского партизанского отряда, а затем Рогнединской партизанской бригады.

В Мальцеве, красивом во всех отношениях молодом человеке, сочетались такие качества как ум, смелость, простота, любовь к родине и народу. Первые дни оккупации боевая группа жуковцев, находясь в сложных условиях, наносила чувствительные удары по врагу. Войдя в состав 3-й партизанской дивизии, Жуковский отряд занял одно из ведущих мест в партизанском соединении. В отряде по зову сердца остался он в Жуковском подполье, и уже объединились семьи жуковцев Деминых, Гомоновых, Платоновых и другие. Погиб в 1942 году Гомонов, командиром стал Демин. Отличились «жуковцы» на «железке», пустив под откос не один эшелон противника. Героем одной из таких операций, был совсем юный Коля Васечкин.

Авторитет Мальцева в отряде был незыблем. Он первым из партизанских командиров в 1942 году был награжден орденом Ленина. Григорий Васильевич обладал каким-то особым умением объединять людей, зажечь их на выполнение боевого задания.

Впервые я встретился с Мальцевым в деревне Малые Желтоухи, когда он вместе с другими партизанскими командирами направлялся на совещание в Киров, проводимое командованием 10-й армии. Знаю, что он сумел убедить многих командиров в необходимости объединяться в партизанскую дивизию. Как я уже ранее писал, не все понимали всей важности этого мероприятия, проводившегося по заданию армейского командования.

Вторая моя встреча с Григорием Васильевичем состоялась в более сложной обстановке, в центре лесного массива «Раменная дача». Мы готовились к прорыву из окружения. Неожиданно появляется Мальцев, которого под руки вел летчик Сергей Петров. Оказывается, Мальцев в самолете Петрова возвращался из Москвы, где ему вручали орден Ленина. Перелетая линию фронта, они были сбиты, при этом Мальцев

был ранен. Первую помощь ему оказали наши медики. Как они нашли нас, уму непостижимо. Вместе прорывались из окружения. В дальнейшем лечился Григорий Васильевич в бригаде. Позднее участвовал в различных боевых операциях, а после отъезда в Москву Зиненкова Г.В. Мальцев был назначен комиссаром Рогнединской партизанской бригады и встретил радостные дни освобождения родных мест.

Не раз мне вместе с Григорием приходилось разбираться в весьма сложных вопросах жизни и деятельности бригады. Всегда удивлял его острый ум, умение находить правильные решения, в чем приходилось соглашаться даже нашим военным спецам.

Брянская область была освобождена, и Мальцев с друзьями целиком уходит в работу по восстановлению хозяйства и порядка в районе. В должности военкома района он много делает в подготовке пополнения для армии. А дальше, неожиданно, хозяйственная работа директором Навлинского ремонтного завода.

Дела и здесь пошли успешно. Москва заметила способного молодого руководителя. Он был отозван на новую и ответственную хозяйственную работу в Московскую область. Пришел ко мне домой, рассказал о назначении. Был настроен на большую работу. Пожелав ему добрых дел, я был уверен в успехе, так как знал характер Григория и его самородный талант.

Увы, вскоре состоялась наша последняя встреча в Навле, куда я приехал, чтобы отдать последний долг другу и соратнику... Никогда не думал, что так трагически закончится жизнь этого незаурядного человека. Много доброго он мог еще сделать для Родины.

Но, наверное, не по душе пришлась недобрым и завистливым людям его правдивость, требовательность и принципиальность. Похороны Григория Васильевича вылились в народную демонстрацию. К кладбищу из сел и деревень Навлинского района шел народ. Делегации шли под красными знаменами, дабы проводить в последний путь партизанского комиссара. Хочу, чтобы память о патриоте Григории Васильевиче Мальцеве передавалась из поколения в поколение, так как тех, кто поклялся не забывать его, с каждым годом становится все меньше и меньше.

Через линию фронта в Партизанский край

Лето 1942 года. Ночь. Партизанский аэродром на окраине лесной деревни Копаль, что в Рогнединском районе на Брянщине. Горят сигнальные костры: ждем самолетов с боеприпасами, продовольствием, медикаментами, письмами. Не раз самолеты приближались к нашей базе. Но на пути появлялись «мессеры», и Ут-2 уходили на бреющем полете. Но вот, наконец, она, долгожданная «Уточка». Резкое снижение и мастерски точное приземление на «пятачок» лесного аэродрома. Тушим костры, немедленно отгоняем самолет в сторону и маскируем его. На разгрузку времени отводится мало. Ночь коротка, а еще надо погрузить раненых и почту.

- Привет, партизаны! - раздается из темноты. Из самолета выпрыгивает плотный, усатый летчик.

- Получайте груз! Где главный? - спрашивает летчик и представляется: комэск капитан Сергей Петров.

- Летел в сложных условиях, - рассказывает он, – Очень трудно было пройти линию фронта: кругом зенитки, а дальше «мессеры». Но мы знаем, как Вам нужны наши грузы.

Вот таким был наш любимец Сергей Петров, свердловчанин, воспитанник аэроклуба, работавший до войны в гражданской авиации. Большая дружба связывала партизан с Петровым, его так и называли «наш партизанский «ас»!». Он всегда помогал нам в самые трудные дни, многократно прилетал в тыл врага.

Партизанская бригада выполняет задания фронта по выводу на «Большую землю» кавалерийского корпуса генерала Белова и десантных подразделений, действовавших на оккупированной врагом территории.

Целую ночь, до рассвета, на аэродром у реки Десны совершали смелые полеты летчики эскадрильи Петрова, вывозя раненых. Кавалеристы вышли на «Большую землю», а партизаны оказались блокированными в лесу. Несколько дней отчаянные бои. Петров совершает полеты в труднейших условиях, сбрасывая боеприпасы, медикаменты, продовольствие. Получая эти грузы, мы всегда находили записку Петрова: «Держитесь, друзья, мы с вами!». В один из рейсов самолет Петрова был подбит. Сам он чудом спасся, сумел найти нас, и вместе с нами выйти из окружения.

Довелось мне в самолете Петрова перелетать линию фронта на «Большую землю» и в тыл врага, и я воочию был свидетелем его смелости и профессионального мастерства.

Осенью 1943 года пути наши разошлись: Петров пересел на «Ил», а я был направлен в артиллерийскую бригаду, но связь не прекращалась. В мою часть пришло письмо Петрова «Наконец нашел! Рад! Вышел из госпиталя, адрес взял у тебя дома в Москве, опять летаю». Был рад безмерно письму фронтового друга. Вскоре получил от Сергея письмо из госпиталя: «Отлечился и направляюсь в часть». А затем долгое молчание. Делаю запрос и получаю ответ: «Ваш друг и наш боевой товарищ, майор Сергей Иванович Петров не вернулся с боевого задания». Это горестное сообщение и все другие письма Сергея Петрова вместе с его фотографией я храню как вечную память о боевом друге, замечательном человеке, воине и патриоте.

«Нарком» связи

Так мы называли нашу милую миниатюрную партизанскую радистку Шуру Воронину, если можно так сказать, - одну из важнейших боевых единиц партизанского соединения. А это - постоянная связь с «Большой землей», с Центром, своевременный прием транспорта и, самое главное, немедленная передача разведданных, так необходимых для действующей армии. Не случайно Шура и ее рация «Белка» оберегались самым ответственным образом. Ее «охранниками» были такие широко известные, прославившиеся в партизанской среде личности, как Федор Старцев, Зиненко, Петр Мурзин.

Отдельная землянка с радиостанцией, где находилась Шура, была пристроена к штабному блиндажу и замаскирована особым покрытием. Во время передвижения бригады, боев и других боевых мероприятий Шуру сажали на плечи Василия Зиненко, а Федор и Пётр с автоматами шли как охрана. Приказ им был такой: «Головой отвечаете за рацию!», они это твердо помнили.

По распределению обязанностей по штабу Шура подчинялась только командиру бригады и начальнику штаба. Однако и для меня она выполняла очень важную работу. Шура постоянно принимала по рации сводки Информбюро, передавала мне, а дальше, через нашу типографию, мы

печатали листовки для населения. Такая работа была сродни боевым операциям.

Народ, находившийся «под немцами», всегда знал, что враг будет разбит. Помню, с какой радостью Шура передала мне сообщение о разгроме врага на Курской дуге. Ведь она в свое время передала необходимые данные в штаб Западного фронта о подготовке немцев к наступлению в этом направлении. Эти очень важные данные добыла наша разведгруппа «Андрей».

С большой радостью принимали мы сообщения с благодарностями за нашу работу и о награждениях... А впервые с Шурой я познакомился в Москве на Ходынском аэродроме в 1942 году. По вызову мы были в Москве и на самолете Сергея Петрова возвращались в расположение бригады. Перед самым вылетом на аэродром привезли двух девочек-комсомолок, закончивших курсы разведчиц-радисток. Одна из них направлялась в Клетню. Шура настоятельно просилась только к нам. Пришлось удовлетворить ее просьбу. А дальше совместная работа.

Лишения и трудности не испугали эту девушку из Подмосковья. Она стала нашей помощницей до последних дней действия бригады. В сентябре 1943 года пути наши разошлись. Шура до конца войны работала военной радисткой, а после ее окончания продолжала службу в Красноярске. Вернулась в Москву, поселилась в Томилино. Первым делом, как она говорила, ей захотелось найти меня и других боевых друзей. Вместе с ней мы это сделали. Не могу забыть с какой душевностью отнеслась она к поиску Андрея Сизова, как много, приехав в Калининград, помогла она Василию Зиненко, когда тот был очень болен. Много внимания оказала и Федору Старцеву. Неожиданно узнаю, что Шура умирает. Успеваю в Люберцы. Да, эта прекрасная женщина-патриотка уходила из жизни. Она успела попрощаться со мной и просила не оставить без внимания ее дочерей. Я дал ей слово, и эти прекрасные женщины, и их семьи сегодня самые дорогие и близкие для меня люди. Жизнь их достойна памяти их матери Александры Ворониной (Копачевской). И всегда, когда мы собираемся в День Победы, имя Шуры-радистки вспоминается как имя достойного человека, большой патриотки Родины. Очень хочется, чтобы рогнединцы знали это имя в числе тех, кто

освобождал Брянскую землю от врага. А в сердцах друзей она останется навсегда.

Главный диверсант

Так называли в партизанском соединении (Рогнединской бригаде) Володю Климова. Таковым он и был по своему назначению. В. Климов был начальником диверсионной службы. Иначе говоря, все, что проводилось в этом плане в партизанских батальонах: подрыв эшелонов, минирование дорог, других вражеских объектов осуществлялось под его руководством. Работа сложная, точная, требующая большого профессионализма и риска.

Вопрос о создании такой спецслужбы возник у нас после «Беловской эпопеи» и боев в Раменной даче. Оправляясь от понесенных потерь, залечивая раны, пополняя батальоны личным составом, важно было не прекращать нанесение урона врагу. С этой целью более подходящего метода, чем диверсия трудно было придумать.

Задумка командования партизанской дивизии была одобрена армейским штабом Западного фронта. Не случайно вскоре Всесоюзным штабом партизанского движения повсеместно была проведена операция «железка». Во всех вражеских тылах прозвучали взрывы на дорогах, в результате чего фашисты понесли большие потери. Когда мы задумывали это дело, встал вопрос, где взять для службы в 3-ю стрелковую дивизию специалиста? И он нашелся. Это был командир разведроты 330-й СД В. Климов. Кто он? Володя Климов - бывший беспризорник, воспитанник полка, а затем курсант военного училища.

Пришел к нам совсем юным, когда формировалась 330-я СД. Юнец этот вскоре оказался одаренным воином, прекрасно знающим различные вооружения, а главное - подрывное дело. Наверное сама природа наградила его этим редким даром. В короткий срок он научил наших разведчиков подрывному делу. С трудом добились мы появления Владимира в партизанской дивизии. Мне, правда, и до этого приходилось контактировать с ним. Он из Кирова переводил через линию фронта диверсионные группы и разведчиков. В частности, в середине марта 1942 года, Климов перевел направляющуюся в глубокий

тыл врага группу разведчика, будущего Героя России Ю. Колесникова.

Последний рейд Климова из Кирова пришелся на тот момент, когда немцы перекрыли так называемый «коридор». Ночью группа столкнулась с засадой. Враг не успел открыть огонь и только окликнул наших разведчиков. Климов успешно вышел из этого положения, спас людей и тех, кого вел в тыл врага. Не забуду еще один случай из боевой жизни. Канун нового 1942 года. Бои за деревню Береговая под Белевом - сильно укрепленный опорный пункт противника, расположенный на высоте. Армия несет большие потери. Перед группой разведчиков Климова разведотдел 10-й армии ставит задачу; скрытно войти в деревню и взорвать дома, где засели немцы, создав этим панику. Вместе с Климовым в этой операции участвовал и майор С. Фомин. В дальнейшем мы его знали, как отважного генерала, участника штурма Берлина.

Все в этой операции получилось как нельзя лучше. Осажденные в Береговой немцы были обескуражены и стали неорганизованно отступать, а в Береговую после многих дней битвы вошли полки 330-й дивизии. Путь на Белев и дальше был открыт. А потом был город Белев, уличные бои, в которых разведчики уничтожают огневые точки. Климов ранен. Он заползает в подворотню одного из домов и вдруг видит, как в санях, погоняя лошадь, едет немец. Володя прицеливается, убивает немца, заводит лошадь, которая, к счастью, не испугалась, во двор.

Лошадь-то была наша, русская и, наверное, поняла, что лейтенант Климов ее друг. Когда после боя мы нашли раненого Климова и раскрыли сани, то увидели, что вез немец. В них был набор закусок и напитков к новому году. Этим мы и отметили встречу 1942 года. В госпиталь Климов не лег. Лечил его наш фельдшер Д. Подъячев. Вместе с разведчиками в числе первых в Киров вошел и Климов. Володя всех нас радовал. Он был смелым и отважным офицером, получившим первым в дивизии медаль «За отвагу». Почему такая награда не знаю, но командование так решило. Ведь в 1941-м наградами не радовали. Вот таким был Климов.

Таким же лихим парнем он потом возглавил диверсионное дело в партизанской дивизии. Много было операций и разных. Могу привести данные из официальных документов,

хранящихся в Смоленском архиве 3-ей партизанской дивизии (Рогнединская партизанская бригада) спущено под откос 130 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, выведено из строя 127 паровозов и 1484 вагона. Взорвано более 30 километров железнодорожного полотна, 32 моста, 22 склада, 432 автомашины, 83 танка, 37 орудий. Убито 9582 немецких солдата и офицера, более 4000 ранено. Большая доля здесь тех ребят, что работали с В. Климовым.

Распрощались мы с Володей в сентябре 1943 года. Я ушел в отдел кадров Западного фронта, а он в резерв для нового назначения. Могу только сказать, что предлагали Климову учебу в Разведакадемии. Помню, как прощаясь, он сказал мне: «Я - воспитанник армии и буду воевать до Победы!»

В Белоруссии Владимир был тяжело ранен, подлежал демобилизации, но остался служить строевым офицером в Харьковском летном училище. Там мы с ним встретились, а еще раз в Кременчуге, где он уже служил в вертолетном училище. Все ж демобилизовался на гражданку, устроился диспетчером завода «КРАЗа». Живет сейчас в Кременчуге. Отец прелестных детей. Приезжал в Москву на встречи. Ну, а теперь шлет поздравления к Дню Победы. Очень хочу, чтобы жители Брянщины знали об этом патриоте и отважном разведчике, отдавшем немало сил для освобождения Брянской земли.

Генералы разведки

С радостью могу сообщить, что в жизни мне довелось повстречать немало незаурядных личностей, и всякий раз при этом удивлялся их оптимизму, честности, смелости и преданности Родине. Горжусь этой дружбой. Сергей Антонович Фомин - один из них. С ним мы встретились впервые зимой 1941 года в сложнейшей обстановке в боях под городом Белевом. Стояли сильнейшие морозы, враг укрепился на востоке деревни Береговая. Наши несут большие потери, развернувшееся наступление срывается. Задача, поставленная командованием, невыполнима.

Неожиданно в расположении разведроты 330-й стрелковой дивизии появляется майор Фомин из штаба разведотдела 10-й армии: «Перед вами задача: скрытно пройти в деревню

Береговая, где группа разведчиков должна своими действиями создать обстановку неожиданного наступления и прорыва наших войск».

Откровенно говоря, командир роты и я не представляли, как можно осуществить такую операцию. Майор Фомин подробно изложил свой план действия. «Весь расчет, - сказал он, - строиться на том, что немцы уже обессилены и от неожиданного удара могут растеряться, посеяв в своих рядах панику. И в этом мы должны им помочь».

Возглавив взвод лейтенанта Климова, ночью майор Фомин с разведчиками находят проход в обороне врага, просачиваются в Береговую. Вскоре по ракетному сигналу в этот проход устремляется вся разведрота. Разведчики забрасывают дома, где засели гитлеровцы, гранатами, сея в их рядах панику, и в конечном итоге достигают своей цели. Подумав, что оборона прорвана, враг оставил Береговую и отошел к Белеву. Путь для нашей дивизии был открыт.

А дальше и в Белеве мы применили эту же тактику, и здесь разведрота сыграла решающую роль в уличных боях. По прошествии времени как-то еще более отчетливо представляешь - до чего же лиха была задумка! К сожалению, больше с Фоминым нам встретиться не пришлось, но все разведчики знали, что он наш куратор и друг. От него мы всегда получали поддержку, особенно когда находились в составе партизанской дивизии. На нем, как я узнал, лежало обеспечение партизан оружием, боеприпасами и всем необходимым. Прилетают самолеты, а с ними и привет от Фомина. Немалая его роль в выводе из рейда по тылам противника на «Большую землю» конников генерала Белова и десантников. Спецгруппа под командованием майора Фомина встречала их на последнем этапе похода в очень сложных условиях перехода линии фронта. Дальше пути наши разошлись. Полковник, а затем генерал С.А. Фомин, будучи начальником разведки танкового корпуса, штурмовал Берлин, был ранен, но остался в строю.

Сбылась его давняя мечта сфотографироваться у стен поверженного Рейхстага. Сергей Антонович в дальнейшем занимал высокие генеральские должности, последняя из них - начальник отдела разведки штаба Московского Военного Округа. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени. Возвратившись после демобилизации в Москву, я с радостью

встретил Сергея Антоновича. Дружба наша продолжалась до последних дней его жизни. Ни одна встреча друзей-ветеранов не проходила без его активного участия. Генерал с академическим образованием, он многое сделал в передаче опыта молодым офицерам разведки.

Генерал разведки Виталий Александрович Никольский. Жизнь этого прекрасного и очень достойного человека заслуживает особой оценки. В 1941-1942 годах заместитель начальника разведотдела штаба 10-й армии. В.А. Никольский был непосредственно связан с Брянским, Смоленским и Калужским подпольем, он ведал всей агентурной разведкой. Это он формировал и внедрял на оккупированной территории разведгруппы и диверсионные подразделения, в том числе К. Поварова и А. Морозовой в Сеще, К. Мельникова и В. Воронова в Кирове. Находясь в Кирове, после его освобождения в январе 1942 года, он обеспечивал выход в тыл врага разведчиков: небезызвестные группы «Андрей», «Аркадий»; Антона Шалаева (Героя Советского Союза), Зинаиды Чибисовой и многих других.

Впоследствии агентура Никольского работала в Польше. Могу назвать фамилии этих отважных людей: А. Трубецкой, Н. Кортакова, И. Позняк, И. Колос, А. Павлова, А. Семенова. В битве на Курской дуге, в других крупных сражениях Великой Отечественной войны огромную роль сыграли разведданные «людей Никольского». Можно без преувеличения сказать, что В.А. Никольский в 10-й армии был одним из лучших представителей ГРУ Генштаба. После Победы занимал ответственную должность в военной миссии в Австрии, затем – военным атташе в Швеции. В связи с делом Пеньковского служба его была прекращена.

Ну, а дальше - преподавательская деятельность в разведакадемии Генштаба и литературная деятельность. Его книга «Аквариум - 2», раскрывает очень важные стороны армейской разведки. Почетный ветеран ГРУ, он активно участвует в жизни наших ветеранов. Не перечислить его добрых дел и его учеников. В жизни Виталий Александрович большой души человек. Пожалуй, не хватит слов, чтобы перечислить его достоинства.

Могу, однако, сказать то, что говорили мы, его друзья - это святой человек. Виталии Александрович не терпит обмана,

несправедливости, бездушия. Время не щадит никого. В 2002 году Виталию Александровичу исполнилось 92 года. Жил в Москве. Его жизнь - пример для подражания.

Колесов Афанасий Георгиевич, полковник, начальник разведотдела 10-й армии - генерал во всех отношениях, но почему-то по воле судьбы оказавшийся вне этого звания. А был в одной связке с Фоминым, Никольским и другими его подчиненными по разведотделу штаба 10-й армии. Своими успехами разведка 10-й армии обязана, прежде всего, ему. Для нас он был - «первый». Волевой, отважный, образованный офицер - академик. В 30-х годах служил на Дальнем Востоке, участвовал в боях с японцами на озере Хасан.

После окончания академии им. Фрунзе служил в ГРУ РККА начальником спецотделения, помощником генерала Голикова. С октября 1941 по апрель 1944 года - начальник разведотдела 10-й армии. Руководил разведывательными операциями против немецких войск в Кировском, Рогнединском, Рославльском и других районах. Далее был заместителем начальника разведуправления 2-го Белорусского фронта (1944 г.), начальником отдела по репатриации советских граждан во Франции (1944-1947гг.). Закончил Военную академию Генштаба (1949 г.). Затем служил начальником штаба дивизии, заместителем начальника штаба армии в Приморском крае, на Курилах, в Молдавии (1949-1960гг.). С 1960 года в запасе. Он был отмечен многими наградами: орденами Ленина, Красного Знамени (3), Красной Звезды (2), Отечественной войны 1 ст. (2), медалями. В нашей дружной компании разведчиков, на всех встречах, он в звании полковника был выше всех генералов бывших его подчиненных, да и нас, его учеников. Здесь он был тот самый «первый», мы высоко ценили его достоинства и дружбу. Мог еще сделать много хорошего, но рано ушел из жизни. Похоронен в Москве.

В числе наград, полученных мною в годы войны, значатся: орден Боевого Красного Знамени, три ордена Отечественной войны, из которых два 1-й степени; орден Красной Звезды, около 20 медалей. И все же одна из них – партизана Великой Отечественной войны, приравниваемая фронтовиками к ордену, особенно дорога мне.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Коняхин Николай Николаевич****, студент 1-го курса Московского авиационного института*